

АННА АХМАТОВА

РЕКВИЕМ

ПОЭ

АННА АХМАТОВА

РЕКВИЕМ

1935-1940

Товарищество Зарубежных Писателей

1969

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
исправленное автором,
с послесловием Г. Струве

Адрес издательства: G. Homjakow,
225 West 71 Street
New York, N. Y. 10023.

Printer: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.
Printed in Germany

© Некоммерческое электронное
воспроизведение оригинала
«Im Werden», 2006

<http://imwerden.de>

Рисунок А. Тышлера, 1943 г.

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

1961

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

— А это вы можете описать?

И я сказала:

— Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

*1 апреля 1957 года
Ленинград*

ПОСВЯЩЕНИЕ

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.
Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат —
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжелые солдат.
Подымались как к обедне ранней,
По столице одичалой шли,
Там встречались, мертвых бездыханней,
Солнце ниже и Нева туманней,
А надежда все поет вдали.
Приговор . . . И сразу слезы хлынут,
Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идет . . . Шатается . . . Одна . . .
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской вьюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный свой привет.

Март 1940

ВСТУПЛЕНИЕ

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки.
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марушь.

1

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки.
Смертный пот на челе . . . Не забыть! —
Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.

1935

2

Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом,

Входит в шапке набекрень,
Видит желтый месяц тень.

Эта женщина больна,
Эта женщина одна,

Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

3

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
Я бы так не могла, а то, что случилось,
Пусть черные сукна покроют,
И пусть унесут фонари . . .
Ночь.

4

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей —
Как трехсотая, с передачей,
Под Крестами будешь стоять
И своей слезою горячею
Новогодний лед прожигать.
Там тюремный тополь качается,
И ни звука — а сколько там
Неповинных жизней кончается . . .

5

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой.
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.
Все перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пыльные цветы,
И звон кафельный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.

1939

6

Легкие летят недели,
Что случилось, не пойму.
Как тебе, сынок, в тюрьму
Ночи белые глядели,
Как они опять глядят
Ястребиным жарким оком,
О твоём кресте высоком
И о смерти говорят.

1939

ПРИГОВОР

И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить, —

А не то . . . Горячий шелест лета,
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.

1939. Лето

8

К СМЕРТИ

Ты все равно придешь — зачем же не теперь?
Я жду тебя — мне очень трудно.
Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.
Прими для этого какой угодно вид,
Ворвись отравленным снарядом
Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом.
Иль сказочкой, придуманной тобой
И всем до тошноты знакомой, —
Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха оправдома.
Мне все равно теперь. Клубится Енисей,
Звезда полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас застигает.

19 августа 1939
Фонтанный дом

9

Уже безумие крылом
Души закрыло половину,
И поит огненным вином
И манит в черную долину.

И поняла я, что ему
Должна я уступить победу,
Прислушиваясь к своему
Уже как бы чужому бреду.

И не позволит ничего
Оно мне унести с собою
(Как ни упрасивай его
И как ни докучай мольбою):

Ни сына страшные глаза —
Окаменелое страданье,
Ни день, когда пришла гроза,
Ни час тюремного свиданья,

Ни милую прохладу рук,
Ни лип взволнованные тени,
Ни отдаленный легкий звук —
Слова последних утешений.

4 мая 1940
Фонтанный дом

10

РАСПЯТИЕ

*«Не рыдай Мене, Мати,
во гробе сушу».*

I

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»
А Матери: «О, не рыдай Мене...»

II

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

1940-1943

ЭПИЛОГ

I

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною,
И в лютый холод, и в июльский зной,
Под красною ослепшею стеною.

II

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:

И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,

И ту, что, красивой тряхнув головой,
Сказала: «Сюда прихожу, как домой».

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.

Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.

О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,

И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомиллионный народ,

Пусть так же они поминают меня
В канун моего поминального дня.

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,

Согласье на это даю торжество,
Но только с условием — не ставить его

Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,

Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,

А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.

Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забыть гроыхание черных марушь,

Забыть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.

И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы струится подтаявший снег,

И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

1940. Март

КАК БЫЛ ВПЕРВЫЕ ИЗДАН «РЕКВИЕМ»

В записи заседания секретариата Союза Писателей СССР 22 сентября 1967 года (см. «Новый Журнал», кн. 93, 1968 г.) приводится выступление А. Суркова, который, говоря о желательности «упредить появление [«Ракового корпуса» Солженицына] на Западе», сказал, что после того как А. А. Ахматова дала нескольким человекам почитать свой «Реквием», он «походил несколько недель и сразу был напечатан на Западе». Эти слова Суркова не соответствуют действительности, что я могу засвидетельствовать как первый фактический издатель «Реквиема».

О «Реквиеме» я узнал впервые в конце 1962 года от одного моего знакомого (иностранца), который с А. А. встречался и которому она эту вещь читала, но в руки не давала, как не давала ее даже некоторым близким друзьям. Стихи эти были ею в свое время уничтожены и значительно позднее по памяти восстановлены.

Вскоре после того до меня дошли слухи, что «Реквием», если не целиком, то частью, будет напечатан в «Новом Мире». Этого не произошло: октябрьская «оттепель», как известно, сменилась новыми заморозками. Но весной 1963 года в мои руки попала машинопись «Реквиема», на которой была помета о том, что в январе 1963 года рукопись стихов была передана в «Новый Мир» и журналом отвергнута. Вероятно, после этого «Реквием» и стал ходить по рукам. Я знал, что автор был против печатания этих стихов

за границей, не хотел нарушать его воли, боялся ему повредить и не торопился предавать эту замечательную вещь огласке. Все лето 1963 года я продолжал «сидеть» на этом произведении, почти ни с кем не делаясь не только им, но даже и сведениями о нем. Но я отдавал себе отчет в том, что, раз начав ходить по рукам, «Реквием» будет переписываться и может распространяться в неверных списках (так оно и случилось, как о том свидетельствует более поздняя публикация в «Гранях» и полученный мною же в начале 1964 г. список). В сентябре 1963 года, будучи в Мюнхене, я затронул вопрос о публикации в разговоре с Г. А. Хомяковым, руководителем издательства ТЗП, но и ему я не сказал, о каком произведении идет речь. 21 октября 1963 года машинопись была получена Г. А. Хомяковым от меня, а 27 ноября «Реквием» был выпущен типографией. Таким образом со времени получения его из России прошло не менее полугода.

Летом 1964 года я имел возможность переслать А. А. Ахматовой один экземпляр издания и узнал, что она им довольна. Через год после того я виделся с А. А. в Лондоне, и она собственноручно внесла в мой экземпляр несколько небольших исправлений. Они сводились к следующему:

1) Даты (1935—1940) под заглавием; дата (1961) под вступительным четверостишием; 3) во «Вступлении» в третьей строке вместо слова «качался» — «болтался»; 4) дата (1939) под стихотворением «Семнадцать месяцев кричу»; 5) во второй части «Эпилога» в третьей строке вместо слова «конца» — «окна» (это, очевидно, была описка в моей машинописи); 6) два небольших изменения в пунктуации. Все исправления были тогда же внесены в текст «Реквиема» в первом томе «Собрания сочинений» А. А. в издании Международного Литературного Содружества.

Три стихотворения из «Реквиема» были напечатаны в России при жизни А. А. Одно из них («Приговор») появилось без названия в журнале «Звезда» (1940, № 3—4) и в сборнике «Из шести книг»; в этом последнем оно дано к тому же с ложной датой: 1934. Другое (второе из двух, озаглавленных «Распятие») — в сборнике «Бег времени» (без эпиграфа и с другой датой: 1939). Стихотворение «Уже безумие крылом» было напечатано без четвертой строфы и под названием «Другу» в сборнике «Избранное» (Ташкент, 1943). Первые четыре его строки цитировались в статье И. Сергиевского «Об антинародной поэзии Ахматовой» («Звезда», 1946). Стихотворение «Тихо льется тихий Дон» было напечатано по памяти (с перестановкой двух стихов) во время войны за границей в статье Николая Анина в газете «Парижский Вестник» (1943, № 63).

Общеизвестно сейчас, что бóльшая часть цикла «Реквием» связана с двукратным арестом и осуждением сына Ахматовой, Л. Н. Гумилева. Но это не относится к стихотворению «Уводили тебя на рассвете», датированному 1935 годом. Как раскрыла сама А. А., это стихотворение обращено к ее мужу, Н. Н. Пунину, известному искусствоведу и критику. Арестованный в 1935 году, он был вскоре освобожден, но позднее снова арестован и скончался в 1953 году в лагере (по некоторым сведениям, на Северном Урале). Известно одно письмо его к А. А. из Самарканда в Ташкент, написанное в 1942 году.

До сих пор не напечатанный целиком в России, «Реквием» переведен на английский, французский, немецкий, итальянский, чешский, польский, латышский, эстонский и другие языки.

ГЛЕБ СТРУВЕ